

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

В. В. Мосейко¹,

Калининградский государственный технический университет
(Калининград, Россия)

КОНТРАКТНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕНСИОНИРОВАНИЯ В РОССИИ

В данной статье представлен анализ пенсионирования как социального контракта. Цель исследования — выявить особенности российского пенсионного контракта с учетом трансформаций пенсионного процесса в 2000-х гг. В рамках поставленной цели в статье анализируются контрактные основы пенсионных взаимодействий. В качестве теоретико-методологической базы работы была применена теория социальных контрактов, институциональная модель принципал—агент и концепция оседлого бандита Мак Гира—Олсона. На основе проведенного исследования предложено рассматривать пенсионирование как частный случай социального контракта. В статье также определены общие тенденции изменений российского пенсионного контракта в период с 2002 г. и до настоящего времени. Следствием проводимой пенсионной политики в 2002–2018 гг. стали усиление позиций государства как стороны пенсионного контракта, снижение роли частных структур в пенсионировании, замена пенсионного накопления распределительным методом, уменьшение значения персонифицированных взаимодействий в пенсионном процессе и, напротив, повышение роли общих пенсионных правил как имплицитной основы пенсионного контракта.

Ключевые слова: пенсионный контракт, пенсионирование, пенсионное благо.

CONTRACT FOUNDATIONS OF MODERN RUSSIAN PENSIONING

The paper presents the analysis of pensioning as a social contract. The aim of research is to reveal the features of the Russian pension contract taking into account transformations of pension process in the 2000s. In accordance with the aims this article analyzes the contract bases of pension interactions. As a methodological basis the author applies the theory of social contracts, institutional model of the Principal-Agent and the McGuire-Olson theory of stationary bandit. The conducted research offers to consider pensioning as a special case of a social contract. It also identifies the general trend in changes of the Russian pension

¹ Мосейко Виктория Владимировна, к.э.н., доцент Института отраслевой экономики и управления Калининградского государственного технического университета; e-mail: vimoseiko@gmail.com

contract during the period since 2002 till the present period. The pension policy in 2002–2018 resulted in further strengthening of the state position as a stakeholder of the pension contract, decrease in the role of private structures in pensioning, replacement of pension accumulating with a distribution method, reduction in the value of personified interactions in the pension process and, on the contrary, increase in the role of common pension rules as an implicit basis of the pension contract.

Key words: pension contract, pensioning, pension good.

Введение

Вся совокупность пенсионных отношений в современных национальных экономиках складывается из активных и пассивных действий, связанных с формированием пенсионного блага. Они могут быть описаны через взаимодействия в рамках социального пенсионного контракта с присущими ему признаками. Под влиянием объективных факторов социально-экономического развития, а также вследствие проведения государством пенсионной политики с течением времени характеристики контракта изменяются, трансформируя его экономическую природу. Особую актуальность заслуживает анализ развития российского пенсионного контракта в условиях начатого в начале 2000-х гг. реформирования пенсионного обеспечения, продолжающегося до сих пор. Цель работы — провести анализ пенсионного контракта в России в период с начала преформенного периода 2002 г. и до настоящего времени. Реализация цели требует решения следующих задач: провести анализ контрактной основы пенсионирования, охарактеризовать российский пенсионный контракт современного этапа. Практическая значимость исследования предопределяется его направленностью на совершенствование российского пенсионирования посредством устранения выявленных дефектов пенсионного контракта.

Проблематика пенсионных отношений представлена достаточно широко как в зарубежной, так и отечественной науке. Анализ современных пенсионных систем в зарубежных странах представлен в работах [Уайтхауз, 2008; Foster, 2011; Lloyd-Sherlock, 2000; Zaidi, 2008]. Особенности систем социального обеспечения в условиях современных государств благосостояния рассматриваются в трудах [Baldock, 2007, p. 5–30; Esping-Andersen 1990; Vincent, 1996]. Ядром пенсионной проблематики в российской науке являются исследования, посвященные анализу демографических тенденций развития [Гурвич, Кудрин, 2012], финансовых проблем [Гурвич, Кудрин, 2012; Назаров, 2012], труды о реформировании пенсионных систем [Синявская, 2010; Малева, Юдаева, 2011; Назаров, 2012; Роик, 2012], пенсионном накоплении [Колобаев, Кокорев, 2006; Дементьев, 2015], повышении пенсионного возраста [Гурвич, Кудрин, 2012], изменении пенсионной формулы [Малева, 2014; Горлин, 2014].

В данной работе представлена попытка анализа взаимодействий между всеми экономическими агентами, участвующими в пенсионном процессе по формированию и предоставлению/получению пенсионного блага¹, через теорию социального контракта, а также неоинституциональную модель принципал—агент.

Основы теории социального контракта зародились еще в работах древнегреческих философов, в период эпохи Просвещения вопросы общественного договора разрабатывались наиболее активно. В современный период проблематика социальной контрактации остается по-прежнему актуальной. Помимо наиболее влиятельных трудов Дж. Ролза, Л. Болтански, Л. Тевено, Д. Мюллера, Дж. Бьюкенена, Г. Таллока, Дж. Норта, Э. де Сото, А. Хиллмана новая теория социального контракта также представлена в работах [Binmore, 2004; Christians, 2009; Tienda, 2002]. Заметно усиление внимания к данной теории и в российской науке. Вопросы социальной контрактации исследуются с разных точек зрения в работах А. Аузана и В. Тамбовцева, А. Золотова, Т. Сидориной, Г. Явлинского, Г. Моусовой, А. Ставинской и др. Появившись изначально как подход, объясняющий генезис государства, постепенно он охватил иные сферы. Одним из наиболее популярных направлений в современных исследованиях социальной контрактации является выявление и анализ механизмов реализации разнообразных коллективных интересов при взаимодействии населения с государством [Аузан и Тамбовцев, 2005]. Наибольший интерес представляют работы, в которых уделяется внимание вопросам создания справедливых институтов в сфере социальной политики, способствующих коллективному принятию решений [Моусова, 2012; Роик, 2012], и в которых с применением контрактной интерпретации к происхождению и развитию социальных институтов анализируются элементы социального устройства и выявляются возможности их трансформации [Тамбовцев, 2004; Мосейко, 2011].

Социальный пенсионный контракт — это обмен, условия которого заранее известны и признаны обеими сторонами: граждане делегируют государству выполнение социальной функции, и это становится обязанностью последнего. Государство устанавливает общие направления пенсионной политики, им задаются важнейшие параметры системы пенсионного обеспечения. В экономической литературе уже предпринимались попытки анализа пенсионирования через социальный контракт [Мосейко, 2011; Мосейко, 2014; Роик, 2012]. В. Роик рассматривает пенсионирование как межпоколенный контракт и определяет его через «законодательно

¹ Пенсионное благо представляет собой набор денежных выплат, товаров и услуг, получаемых индивидом от государственной и/или частной структуры вследствие приобретения статуса пенсионера. Очевидно, что на современном этапе организации пенсионного процесса основной формой пенсионного блага выступает пенсия.

установленный порядок приобретения и реализации пенсионных прав, определяющий размеры взносов, периоды их внесения, с одной стороны, и размеры выплачиваемых пенсий и периоды их получения — с другой» [Роик, 2012, с. 59]. Думается, что такое понимание сужает пенсионный контракт до пенсионного страхования, исключая остальные компоненты формирования пенсионного блага. В работах [Мосейко, 2011; Мосейко, 2014] представлена широкая трактовка пенсионного контракта, который определяется как набор длительных и регулярных взаимодействий между обществом и государством по поводу предоставления пенсионного блага. В данной статье продолжена традиция исследования пенсионирования через его институционально-контрактную природу в широком смысле, учитывая всевозможные механизмы производства пенсионного блага. В отличие от подхода В. Роика, где основными характеристиками контракта выступают соотношения: между размером пенсии и величиной страхуемой заработной платы; периодом предстоящей жизни после выхода на пенсию и продолжительностью трудового/страхового стажа; численностью пенсионеров и работающими [Роик, 2012, с. 61], автором статьи пенсионный контракт рассматривается сквозь призму анализа положения сторон пенсионного контракта во взаимодействиях по формированию и предоставлению пенсионного блага. Оригинальность данного подхода состоит в том, что базовые принципы формирования пенсионных правил в современной системе пенсионного страхования исследуются через такие характеристики пенсионного контракта, как асимметричность/симметричность сторон контракта, имплицитность/эксплицитность пенсионных отношений.

Стороны пенсионного контракта: асимметричность vs симметричность

Сторонами социального контракта, с одной стороны, является население, представленное разными социальными и возрастными группами, с другой — государство. Позиции каждой стороны могут существенно отличаться в зависимости от модели государства [Esping-Andersen, 1990; Сидорина, 2014], особенностей национального политического устройства, способностей людей к самоорганизации для создания общественных благ [Аузан, Сатаров, 2012, с. 67]. Пенсионные контракты большинства современных государств, в конституциях которых императивно закреплена социальная функция, можно описать через модель взаимодействий принципал—агент: население (принципал) «доверяет» государству (агенту) заботу о себе, а государство принимает соответствующие обязательства. Особенностью этой модели взаимодействий является государственная монополия на осуществление пенсионирования, оформившаяся в конце XIX — начале XX в. с учреждением национальных пенсионных систем

[Грин, 2009, с. 133–167]. Это послужило главной причиной асимметричности сторон в пенсионной контрактации, которая выражается в неравных возможностях участников контракта как в переговорном процессе, так и в ходе выполнения условий контракта [Мосейко, 2011; Мосейко, 2014, с. 366]. Фактором влияния выступает социальная неоднородность общества [Синявская, 2011; Гурвич, Кудрин, 2012, с. 66–67; Гурвич, Сонина, 2012; Назаров, 2012, с. 85–86; Малева, Юдаева 2011, с. 9–11, 13; Малева, 2014, с. 82; Фомин, 2012, с. 12, 18] и, отсюда, возникающие трудности взаимодействия между социальными группами с отличными предпочтениями и интересами [Гурвич, Кудрин, 2012, с. 70–73; Фомин, 2012, с. 12]. В результате происходит дальнейшее развитие асимметричности при формировании пенсионного блага.

Широко распространено в российском экспертном сообществе мнение о приоритете государства над частными агентами в процессе производства пенсионного блага [Роик, 2012; Синявская, 2010, с. 208; Фомин, 2012, с. 19], а государственному пенсионированию зачастую отводится роль согласования интересов разных поколений [Гурвич, Кудрин, 2012, с. 66; Фомин, 2012]. Между тем становлению контрактной симметричности способствует развитие механизмов, сдерживающих государство-агента. Одним из них является частное пенсионное накопление, роль которого по-разному оценивается экспертами. С критической точки зрения оно рассматривается в [Варг, 2001; Дементьев, 2015, с. 156, 168]. Нередко пенсионное накопление представляется как способ нейтрализации последствий старения населения [Гурвич, Кудрин, 2012, с. 74–75; Мельников, с. 47], как наиболее справедливый метод финансирования [Колобаев, Кокорев, 2006], как необходимый элемент эффективного пенсионирования [Назаров, 2012] и как механизм укрепления конкуренции в пенсионном процессе и снижения асимметричности в пенсионной контрактации [Мосейко, 2014; Мосейко, 2011].

Участие в пенсионных отношениях: имплицитность vs эксплицитность

Большинство современных пенсионных систем являются обязательными для членов общества, их особенностью является пассивное присоединение часто с самого рождения, когда появляется сама возможность стать пенсионером, например, по инвалидности, либо с момента начала трудовой деятельности, когда через налогообложение происходит оплата пенсионного блага. Отказ возможен только от получения пенсионного блага, участие в процессе его формирования обязательно. Эти взаимоотношения носят имплицитный характер, предполагают молчаливое соблюдение заранее обозначенных условий, с отсутствием возможности выхода из контрактных отношений. Эксплицитные контрактные отноше-

ния возможны, когда четко обозначены стороны пенсионного процесса, определены права и обязанности сторон и всякое изменение прав и обязанностей предполагает двустороннее согласие. Предпосылкой развития эксплицитных пенсионных взаимодействий является свобода волеизъявления экономических субъектов в выборе способов формирования пенсионного блага. Это осуществимо в тех системах, где каждый отдельный индивид самостоятельно принимает решения в пенсионном процессе и несет ответственность за них. Речь идет о персонифицированных правах, которые в современном распределительном пенсионировании имеют незначительную реализацию.

Особенности формирования пенсионного блага: перераспределение vs накопление

Основным механизмом производства пенсионного блага является перераспределение, этот наиболее простой инструмент в решении коллективных проблем общества позволяет в текущий момент времени перенаправить средства от одних групп людей к другим. А. Пигу, А. Сен отмечают принцип убывающей полезности при перераспределении от богатых к бедным: возрастание полезности для менее обеспеченных слоев больше, чем ее снижение для наиболее обеспеченных слоев. Перераспределительное финансирование основывается на государственном патернализме [Синявская, 2008; Зиберт, 2003, с. 108–130] и касается практически всех членов общества. В пенсионном перераспределении задействованы несколько социальных групп: работники, работодатели, нетрудоспособные, в том числе пенсионеры, будущие поколения. В условиях неравного положения сторон пенсионного контракта государство навязывает свою волю текущим и будущим экономически активным слоям населения в целях поддержки пассивных групп. Поэтому последствия перераспределения имеют амбивалентную природу. В краткосрочном периоде происходит устранение социальных проблем и социальной напряженности, а в долгосрочной перспективе формируется «иждивенческая субкультура» [Зиберт, 2003, с. 114–115; Сидорина, Тимченко, 2012], снижается предпринимчивость, инициативность, трудовая мотивация населения [Мосейко, Фролова, 2014], развиваются формы поведения, направленные на ожидание помощи со стороны общества и государства [Колобаев, Кокорев, 2006, с. 9; Синявская, 2010, с. 208; Зиберт, 2003; Назаров, 2012, с. 70–71, 76–77; Фомин, 2012, с. 5].

Вторым способом формирования пенсионного блага является накопление. Оно персонифицировано, ориентировано на реализацию индивидуальных интересов, предполагает наличие многообразных схем формирования пенсионного блага и сокращение роли и размеров государства в пенсионировании [Колобаев, Кокорев, 2006; Синявская,

2008]. Данный механизм, однако, не получил широкого распространения в России.

Таблица 1

**Характеристики распределительного и накопительного механизмов
в пенсионировании**

Критерий анализа	Перераспределительный пенсионный контракт	Накопительный пенсионный контракт
Асимметричность/симметричность сторон пенсионного контракта	Наблюдается асимметричность сторон, общество находится в подчиненном государству положении, условия контракта заранее предопределены и пересматриваются, как правило, по инициативе государства	Предполагает симметричность, поскольку экономические субъекты имеют большую свободу участия в пенсионных взаимодействиях, степень несвободы обуславливается положением государства в пенсионном процессе
Имплитичность/эксплицитность участия сторон	Участие отдельного индивида выражено неявно, характеризуется пассивностью, обязательностью и невозможностью менять параметры контракта	Участие индивида персонафицировано и тем больше проявляется, чем меньше запретов и ограничений установлено со стороны государства

На практике наиболее распространены гибридные пенсионные модели с использованием распределительных и накопительных механизмов.

**Формирование пенсионного блага:
частные структуры vs государство**

Пенсионное благо может формироваться и предоставляться государством и частными¹ структурами, но наблюдаются существенные отличия в сравнительных издержках и выгодах его производства [Мосейко, 2011; Мосейко, 2014], механизмах формирования и целях пенсионного процесса. Цель государства реализуется как исполнение социальной конституционной функции, но при наличии целого ряда мотивов государственных деятелей и в условиях непрерывного политического процесса. Цель частной структуры заключается в извлечении прибыли, предлагая приемлемую цену и качество пенсионного блага, частные структуры

¹ Частные структуры включают в себя как организации коммерческого толка, так и разнообразные объединения, в рамках которых могут реализовываться те или иные аспекты пенсионного процесса, а их результатом является предоставление пенсионного блага. В [Грин, 2009] описан пример таких обществ в Великобритании до становления универсальной системы социальной защиты, на современном этапе похожие сообщества встречаются значительно реже (например, современный кибуц). В данной работе рассматривается только коммерческий сегмент частных структур.

конкурируют между собой. Участие конкурирующих структур на рынке пенсионных услуг приводит к формированию дифференцированных подходов производства пенсионного блага. Если государство является одним из производителей пенсионного блага, то оно самостоятельно задает минимальные стандарты качества жизни пенсионеров, характеризующиеся значениями абсолютных и относительных показателей. Частные структуры обязаны учитывать качество пенсионного блага, предоставляемого не только коммерческим сектором, но и государством. В [Мосейко, 2011; Мосейко, 2014] показано, что спрос на частные пенсионные блага тем меньше, чем большее влияние на пенсионные взаимоотношения оказывает государство.

Особенности производства пенсионного блага

Ситуация I — деятельность частных структур в условиях конкуренции без участия или при минимальной роли государства-арбитра. Участие в пенсионировании добровольное или обязательное, с большим набором опций по формированию пенсионного блага. Стороны самостоятельно договариваются об особенностях пенсионного процесса. Наиболее известным примером похожего вида пенсионирования является чилийская пенсионная система [Уайтхауз, 2008, с. 14, 190–192; Picera, 1996].

Ситуация II — деятельность частных структур в условиях конкуренции с другими частными структурами и государством — производителем пенсионного блага, участие в пенсионировании, как правило, обязательное. За индивидами сохраняется широкий спектр возможностей по формированию персональных пенсионных стратегий. Например, в пенсионной системе США [Уайтхауз, 2008, с. 13, 118–121; Pensions..., p. 372–374] для подавляющей части американских пенсионеров выплаты по федеральной программе остаются основным доходом [Лебедева, 2016, с. 45], но существует многообразие пенсионных планов благодаря налоговому освобождению пенсионных взносов, повышению финансовой грамотности, созданию условий развития финансовых институтов, достижению высокого уровня трудовых доходов [Лебедева, 2016, с. 47].

Ситуация III — деятельность государства — производителя пенсионного блага в условиях монополии. Государственное пенсионирование предполагает обязательное выполнение пенсионных правил. Стороны не могут изменить заранее установленные условия участия в пенсионном процессе, возможно наличие некоторых опций по выбору. Российское пенсионное обеспечение является типичным примером.

В условиях жесткой конкуренции (ситуация I) любая фирма стремится к минимизации общих издержек, которые должны быть сопоставимы с издержками конкурентов и ниже издержек упущенной выгоды. В присутствии государства как конкурирующей силы (ситуация II) частная струк-

тура, кроме прочего, обязана доказать, что ее издержки при производстве пенсионного блага ниже либо сопоставимы с государственными. Когда пенсионное обеспечение финансируется налогами/взносами, уплачиваемыми полностью либо частично работодателем, будущий пенсионер не всегда адекватно понимает уровень затрат на государственное пенсионное обеспечение. Оплата пенсионного блага в частной структуре персонафицирована с конкретизацией размера и регулярности взносов-выплат, в государственной системе она обезличена и четко не определена. Качество и количество государственных услуг, как правило, зависят от наличия бюджетных средств, выделяемых на их финансирование, что справедливо как при монополии (ситуация III), так и при наличии конкурентных предложений (ситуация II). Ситуация I демонстрирует наивысшую степень эксплицитности пенсионного контракта, и по мере перехода к ситуации II, а затем к ситуации III эксплицитность снижается и соответственно имплицитность усиливается.

Российский пенсионный контракт в 2002–2018 гг.

На этапе становления (2002 г.) российский пенсионный контракт в большей степени соответствовал ситуации II, характеризующейся доминированием государства в производстве пенсионного блага. Механизмами, обеспечивающими соблюдение интересов населения (принципала), были возможности пенсионного накопления, а также введение страховых основ, которые, кроме прочего, должны были способствовать перераспределению ответственности за пенсию от государства к рынку [Синявская, 2010, с. 209], становлению основ персонализации в пенсионном контракте, устранению асимметрии сторон пенсионного контракта и усилению его эмпицитности. Последующие пенсионные изменения вводились в одностороннем порядке по инициативе государства, без заметного общественного обсуждения. Условно их можно разделить на две группы: направленные на улучшение текущего благосостояния пенсионеров и, как правило, реализованные без какого-то внятного экономического обоснования и связанные с институциональными трансформациями. Особенностью российских пенсионных преобразований были неосведомленность населения об их пенсионных правах [Синявская, 2010, с. 203], низкий уровень вовлеченности в пенсионную реформу.

Электоральным значением группы пенсионеров [Синявская, 2010, с. 207; Кудрин, Гурвич, 2012, с. 69–70; Назаров, 2012, с. 69, 71; Шитова, Шитов, 2016, с. 50; Фомин, 2012, с. 6] (в начале второго десятилетия XXI в. на пенсионеров приходилось 37% граждан, имеющих право голоса [Кудрин, Гурвич, 2012, с. 69–70], а к 2020 г. их будет 40% [Назаров, 2012, с. 69]) объясняется целый ряд мер, направленных на улуч-

шение пенсионного блага. Стоимость реализованных в 2008–2010 гг. программ по валоризации пенсий (ежегодно 1,1–1,2% ВВП) [Гурвич, Сони́на, 2012, с. 39], по доплате к пенсии до прожиточного минимума пенсионера и некоторых других составила 4% ВВП [Гурвич, Сони́на, 2012, с. 27]. Меры по росту пенсий [Соловьев, 2010; Малева, Юдаева, 2011; Шитова, Шитов, 2016, с. 50], усилившие дискриминацию в пенсионировании [Малева, Юдаева, 2011, с. 13; Соловьев, Мележик, 2014, с. 150–151] и усугубившие финансовые проблемы пенсионной системы [Синявская, 2010, с. 198; Гурвич, Сони́на, 2012], были проведены за год до парламентских выборов.

Экспертами также подчеркивается методологическая неопределенность индексации пенсий [Горлин, 2014, с. 95], ее неэффективность [Назаров, 2012, с. 78–79; Гурвич, 2014б, с. 106–107] и зависимость от политического процесса [Шитова, Шитов, 2016, с. 50]. Так, в 2012 г. была проведена наиболее выгодная индексация пенсий (в марте 2012 г. состоялись президентские выборы). В 2012–2014 гг. и 2017 г. страховая пенсия увеличивалась дважды. С 2016 г. страховые пенсии индексируются только у неработающих пенсионеров, но была осуществлена разовая выплата в размере 5 тыс. руб.

Наиболее значимые институциональные трансформации накопительного и распределительного сегментов способствовали существенному преобразованию пенсионного контракта и отходу от ранее определенных целей и часто проводились при ухудшающейся экономической конъюнктуре.

Частно-накопительная компонента пенсионного контракта

Начало развития НПФ связано с принятием Указа Президента РФ от 16 сентября 1992 г. № 1077 «О негосударственных пенсионных фондах». Следствием реформы 2002 г. и введения накопительной части трудовой пенсии стало дальнейшее развитие НПФ. Главным основанием для критики пенсионного накопления в России является его низкая доходность [Дементьев, 2015, с. 157–160, 163, 165]. Положение осложнилось кризисом 2008 г., следствием которого стало снижение стоимости пенсионных активов накопительного сегмента [Шитова, Шитов, 2016, с. 46; Никитченко, 2011, с. 66]. Низкая эффективность накопления на фоне возрастающего дефицита бюджета ПФР стала причиной перераспределения средств пенсионных накоплений в систему солидарного пенсионирования в 2014–2020 гг., это оценивается как наиболее опасная мера для развития пенсионного накопления в будущем [Шитова, Шитов, 2016, с. 50]. Усугублению положения НПФ способствовало предложение гражданам вовсе отказаться от формирования накопительной пенсии [Шитова, Шитов, 2016, с. 50; Дементьев, 2015, с. 165]. В результате обострилась проблема

низкого доверия населения частным структурам рынка пенсионных услуг [Дементьев, 2015, с. 163, 167]. Общим итогом стало вытеснение частных структур из процесса формирования пенсионного блага и снижение конкуренции на рынке пенсионных услуг. Сокращение количества НПФ в последние годы (с 290 в 2005 г. до 74 в 2016 г. [Российский...]), кроме прочего, вызвано ужесточением регулирования их деятельности со стороны государства, которое по-разному оценивается экспертами [Никитченко, 2011, с. 64–65; Дементьев, 2015, с. 166].

Распределительная компонента пенсионного контракта

В 2015 г. произошел целый ряд существенных изменений в солидарном сегменте пенсионирования. На первый взгляд кажется, что появились рычаги личного пенсионного планирования. Небольшое количество мер действительно способно повысить степень вовлеченности и персонализации. Например, рост минимального страхового стажа исключает из пенсионного страхования группы лиц, трудовая деятельность которых осуществлялась преимущественно в теневом секторе экономики; отсрочка выхода на пенсию позволяет в индивидуальном порядке увеличить размер будущей пенсии, но прогнозные оценки ее применения носят скептический характер [Мосейко, Фролова, 2016]; электронные сервисы ПФР повышают прозрачность пенсионного процесса.

Наиболее важные новации: ограничение максимального значения годового пенсионного коэффициента, лимитирование возможностей перерасчета пенсий, одностороннее установление стоимости пенсионного коэффициента деперсонализируют пенсионирование из-за подчинения всех индивидуальных пенсионных стратегий односторонним государственным решениям.

В результате современный пенсионный контракт отвечает ситуации III: монопольная роль государства в пенсионировании при минимальном участии частных структур, что в конечном итоге выражается и уменьшении персональных возможностей пенсионного планирования. Модель принципал—агент теряет свою практическую значимость в описании взаимоотношений общества и государства по поводу производства пенсионного блага. Исследования и социологические опросы последних лет говорят о низкой осведомленности населения о пенсионных изменениях [Малева, 2014, с. 61–62, 78–79], слабом доверии государству [Дементьев, 2015, с. 154, 167] и несправедливом устройстве пенсионной системы [Малева, 2014, с. 63, 76]. На современном этапе наиболее подходящей является концепция оседлого бандита МакГира—Олсона, в которой действующая пенсионная система является одновременно инструментом формирования зависимости пенсионеров и частью рентного механизма, посредством которого государство рационально эксплуатирует население.

Характеристики современного российского пенсионного контракта

Характеристики	Описание характеристик
Асимметричность	Монопольная позиция государства на рынке пенсионных услуг; одностороннее изменение государством пенсионных правил; низкие возможности пенсионного планирования
Имплитичность	Обязательное участие общества в пенсионном процессе; невозможность выстраивать персональные пенсионные стратегии.
Механизм формирования	Преобладает перераспределительный механизм; пенсионное накопление используется сегментировано; проводится политика снижения роли пенсионного накопления
Субъекты формирования и предоставления пенсионного блага	Основной субъект — государство; формирование пенсионного блага частными структурами сегментировано; проводится политика снижения роли частных структур
Пенсионные нормы	Большинство пенсионных норм носят императивный характер; выбор в пенсионном процессе ограничен

Выводы

Поскольку пенсионирование связано с удовлетворением коллективных интересов и реализуется через систему непрерывных взаимодействий по поводу формирования и предоставления/получения пенсионного блага, то оно может быть рассмотрено как частный случай социального контракта. Социальный пенсионный контракт характеризуется особенностями его элементов, а именно: характером участия, положением сторон, нормами регулирования и др. С течением времени пенсионный контракт видоизменяется. В условиях асимметричности сторон и при преобладающей роли государства в пенсионных взаимодействиях изменения в российском пенсионном контракте в 2002–2018 гг. происходили вследствие проводимой государственной пенсионной политики. Чем меньше общество может воздействовать на государство в процессе по формированию и предоставлению пенсионного блага, тем более жестким будет позиция государства в пенсионном процессе. Начатое в 2002 г. реформирование пенсионного обеспечения не завершено до сих пор. Наиболее значительные институциональные трансформации произошли в 2013 г. (впервые «заморозили» пенсионные накопления) и 2015 г. (изменился порядок формирования пенсионного блага), они повлияли на характер контрактной основы пенсионных взаимодействий. Пенсионный контракт (2015–

2018 гг.) характеризуется доминированием государства во взаимодействии общество—государство (асимметричность сторон), монопольной позицией на рынке пенсионных услуг, а также низкими возможностями населения в пенсионном планировании (деперсонализация).

Список литературы

1. *Аузан А., Сатаров Г.* Приоритеты институциональных преобразований в условиях экономической модернизации // Вопросы экономики. — 2012. — № 6. — С. 65–74.
2. *Аузан А., Тамбовцев В.* Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. — 2005. — № 5. — С. 28–49.
3. *Горлин Ю.* О «простоте» действующей пенсионной формулы // Экономическая политика. — 2014. — № 2. — С. 85–98.
4. *Грин Д. Дж.* Возвращение в гражданское общество: социальное обеспечение без участия государства. — М.: Новое издательство, 2009. — 220 с.
5. *Гурвич Е., Кудрин А.* Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. — 2012. — № 3. — С. 53–79.
6. *Гурвич Е., Сони́на Ю.* Микроанализ российской пенсионной системы // Вопросы экономики. — 2012. — № 2. — С. 27–51.
7. *Дементьев Н. П.* Пенсионная система в современной России: перманентное реформирование и неопределенность // ЭКО. — 2015. — № 11. — С. 153–168.
8. *Зиберт Х.* Эффект кобры: как избежать заблуждений в политике / пер. с нем.; под ред. И. П. Гребенникова. — СПб.: СПбГУЭФ, 2003. — 244 с.
9. *Колобаев О. М., Кокорев Р. А.* Накопительные принципы пенсионной реформы: попытка переосмысления // SPERO. — 2006. — № 4. — С. 5–24.
10. *Лебедева Л.* Стратегии пенсионного обеспечения: американский выбор // МЭМО. — Т. 60. — № 8. — С. 44–52.
11. *Малева Т. М.* Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. — 2014. — № 2. — С. 55–85.
12. *Малева Т. М., Юдаева К. В.* Пенсионная система в России: инерция выживания или стратегия развития? // SPERO. — 2011. — № 15. — С. 7–26.
13. *Монусова Г.* Социальная политика в европейском общественном мнении: субъективный контракт между обществом и государством // Вопросы экономики. — 2012. — № 6. — С. 127–151.
14. *Мосейко В. В.* Пенсионный социальный контракт как инструмент преодоления социально-экономических противоречий: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Национальный исследовательский Томский государственный университет. — Томск, 2011. — 170 с.
15. *Мосейко В. В.* Экономическая природа современного пенсионного контракта // Материалы Международного экономического симпозиума. — Томский государственный университет, 2014. — С. 365–373.
16. *Мосейко В. В., Фролова Е. А.* Институциональные инновации российского пенсионного обеспечения и их влияние на пенсионные стратегии индивидов // Вестник УрФУ. — 2016. — № 2. — С. 277–296.
17. *Мосейко В. В., Фролова Е. А.* Социальное государство vs социальное иждивенчество // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). — 2014. — Вып. 8 (149). — С. 102–107.

18. *Назаров В.* Будущее пенсионной системы: параметрические реформы или смена парадигмы // Вопросы экономики. — 2012. — № 9. — С. 67–87.
19. *Никитченко А. Н.* Частные пенсионные фонды — ключевой ресурс развития финансового сектора России // Финансы. — 2011. — № 12. — С. 63–66.
20. *Роик В. Д.* Пенсионная реформа: нужна концепция социального контракта поколений россиян для XXI века // ЭКО. — 2012. — № 2. — С. 58–71.
21. Российский статистический ежегодник. 2017: стат. сб. / Росстат. — М. 2017. 686 с.
22. *Сидорина Т.* Множественность подходов к типологии государства всеобщего благосостояния // Вопросы экономики. — 2014. — № 8. — С. 122–139.
23. *Сидорина Т., Тимченко О.* Социальное иждивенчество — обратная сторона благоденствия // Отечественные записки. — 2012. — № 5.
24. *Сидорина Т. Ю.* Социальный контракт и гражданское общество в исторической перспективе и современных российских реалиях // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Т. 5. — № 2. — С. 118–128.
25. *Синявская О. В.* К вопросу о патернализме: государство и человек в пенсионной реформе // SPERO. — 2008. — № 8. — С. 63–92.
26. *Синявская О. В.* Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. — 2010. — № 13. — С. 187–210.
27. *Синявская О. В.* История пенсионной реформы в России. — С. 142–201 // История новой России. Очерки, интервью: в 3 т. / под общ. ред. П. С. Филиппова. Т. 3. — СПб.: Норма, 2011. — 600 с.
28. *Соловьев А. К.* Социально-экономические результаты пенсионной реформы в России // SPERO. — 2010. — № 12. — С. 91–4.
29. *Соловьев А. К., Мележик Н. В.* Бедность пенсионеров: как преодолеть? // ЭКО. — 2014. — № 10. — С. 147–163.
30. *Тамбовцев В. Л.* Введение в экономическую теорию контрактов / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Экономический факультет. — М.: ИНФРА-М, 2004. — 144 с.
31. *Уайтхауз Э.* Пенсионная панорама. Пенсионные системы 53 стран / пер. О. В. Демидов, Д. И. Артемьева, А. А. Кулагина, Э. М. Манучарян и др. — М.: Весь мир, 2008. — 224 с.
32. *Фомин Д. А.* Старость, экономика, демография // ЭКО. — 2012. — № 4. — С. 5–26.
33. *Шутова Ю., Шутов Ю.* Реформа пенсионной системы РФ: итоги десятилетия // Проблемы теории и практики управления. — 2016. — № 7. — С. 43–54.
34. *Baldock J.* Social Policy, Social Welfare and the Welfare State. Social Policy / Baldock J., Manning N. and Vickerstaff S. (eds) 3rd edition. — Oxford: OUP, 2007.
35. *Barr N.* The Truth About Pension Reform // Finance&Development. IMF. — 2001. — Vol. 38. — No. 3. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2001/09/barr.htm> (дата обращения: 15.02.2018).
36. *Binmore K.* Reciprocity and the social contract. // Politics, philosophy & economics. — 2004. — Vol. 3(1). — P. 5–35.
37. *Christians A.* Sovereignty, Taxation and Social Contract // Minnesota Journal of International Law. — 2009. — Vol.18. — No. 1. — P. 99–153.
38. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 34 p.

39. *Foster L.* Older people, pensions and poverty: An issue for social workers? // *International Social Work*. — 2011. — Vol. 54. — No. 3. — P. 344–360.
40. *Lloyd-Sherlock P.* Old age and poverty in developing countries: New policy challenges // *World Development*. — 2000. — Vol. 28. — No. 12. — P. 2157–2168.
41. *Pensions at a Glance 2015 OECD and G20 Indicators*. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en (дата обращения 12.01.2018).
42. *Picera J.* Empowering Workers: The Privatization of Social Security in Chile // *Cato Journal*. — 1996. — Vol. 15. — No. 2. URL: <https://object.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/cl-10.pdf> (дата обращения 12.01.2018).
43. *Tienda M.* Demography and the social contract. // *Demography*. — 2002. — Vol. 39. — No. 4. — P. 587–616.
44. *Vincent J.* Who's afraid of an ageing population? // *Critical Social Policy*. — 1996. — Vol. 16 (47). — P. 3–26.
45. *Zaidi A.* Well-being of Older People in Ageing Societies. — Ashgate, 2008.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Auzan A., Satarov G.* Prioritety institucional'nyh preobrazovanij v uslovijah jekonomicheskoj modernizacii // *Voprosy jekonomiki*. — 2012. — № 6. — S. 65–74.
2. *Auzan A., Tambovcev V.* Jekonomicheskoe znachenie grazhdanskogo obshhestva // *Voprosy jekonomiki*. — 2005. — № 5. — S. 28–49.
3. *Gorlin Ju.* O «prostote» dejstvujushhej pensionnoj formuly // *Jekonomicheskaja politika*. — 2014. — № 2. — S. 85–98.
4. *Grin D. Dzh.* Vozvrashhenie v grazhdanskoe obshhestvo: social'noe obespechenie bez uchastija gosudarstva. — M.: Novoe izdatel'stvo? 2009. — 220 s.
5. *Gurvich E., Kudrin A.* Starenie naselenija i ugroza bjudzhetnogo krizisa // *Voprosy jekonomiki*. — 2012. — № 3. — S. 53–79.
6. *Gurvich E., Sonina Ju.* Mikroanaliz rossijskoj pensionnoj sistemy // *Voprosy jekonomiki*. — 2012. — № 2. — S. 27–51.
7. *Demen'ev N. P.* Pensionnaja sistema v sovremennoj Rossii: permanentnoe reformirovanie i neopredelennost' // *JeKO*. — 2015. — № 11. — S. 153–168.
8. *Zibert H.* Jefferkt kobry: Kak izbezhat' zabluzhdenij v politike / per. s nem; pod red. I. P. Grebennikova. — SPb.: SPbGUJeF, 2003. — 244 s.
9. *Kolobaev O. M., Kokorev R. A.* Nakopitel'nye principy pensionnoj reformy: popytka pereosmyslenija // *SPERO*. — 2006. — № 4. — S. 5–24.
10. *Lebedeva L.* Strategii pensionnogo obespechenija: amerikanskij vybor // *MJeIMO*. — T. 60. — № 8. — S. 44–52.
11. *Maleva T. M.* Chelovek v solidarnoj pensionnoj sisteme // *Jekonomicheskaja politika*. — 2014. — № 2. — S. 55–85.
12. *Maleva T. M., Judaeva K. V.* Pensionnaja sistema v Rossii: inercija vyzhivaniya ili strategija razvitiya? // *SPERO*. — 2011. — № 15. — S. 7–26.
13. *Monusova G.* Social'naja politika v evropejskom obshhestvennom mnenii: sub#ektivnyj kontrakt mezhdru obshhestvom i gosudarstvom // *Voprosy jekonomiki*. — 2012. — № 6. — S. 127–151.
14. *Mosejko V. V.* Pensionnyj social'nyj kontrakt kak instrument preodolenija social'no-jekonomicheskikh protivorechij: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata

- jekonomicheskikh nauk / Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet. — Tomsk, 2011. — 170 s.
15. *Mosejko V. V.* Jekonomicheskaja priroda sovremennogo pensionnogo kontrakta // *Materialy Mezhdunarodnogo jekonomicheskogo simpoziuma*. — Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2014. — S. 365–373.
 16. *Mosejko V. V., Frolova E. A.* Institucional'nye innovacii rossijskogo pensionnogo obespechenija i ih vlijanie na pensionnye strategii individov // *Vestnik UrFu*. — 2016. — № 2. — S. 277–296.
 17. *Mosejko V. V., Frolova E. A.* Social'noe gosudarstvo vs social'noe izhdivenchestvo // *Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta (Tomsk State Pedagogical University Bulletin)*. — 2014. — Vyp. 8 (149). — S. 102–107.
 18. *Nazarov V.* Budushhee pensionnoj sistemy: parametriceskie reformy ili smena paradigmy // *Voprosy jekonomiki*. — 2012. — № 9. — S. 67–87.
 19. *Nikitchenko A. N.* Chastnye pensionnye fondy — kljuchovoj resurs razvitija finansovogo sektora Rossii // *Finansy*. — 2011. — № 12. — S. 63–66.
 20. *Roik V. D.* Pensionnaja reforma: nuzhna koncepcija social'nogo kontrakta pokolenij rossijan dlja XXI veka // *JeKO*. — 2012. — № 2. — S. 58–71.
 21. Rossijskij statističeskij ezhegodnik. 2017: stat. sb. / Rosstat. — M., 2017. — 686 s.
 22. *Sidorina T.* Mnozhestvennost' podhodov k tipologii gosudarstva vseobshhego blagosostojanija // *Voprosy jekonomiki*. — 2014. — № 8. — S. 122–139.
 23. *Sidorina T., Timchenko O.* Social'noe izhdivenchestvo — obratnaja storona blagodenstvija // *Otechestvennye zapiski*. — 2012. — № 5.
 24. *Sidorina T. Ju.* Social'nyj kontrakt i grazhdanskoe obshhestvo v istoričeskoj perspektive i sovremennyh rossijskikh realijah // *Jekonomičeskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2007. — T. 5. — № 2. — S. 118–128.
 25. *Sinjavskaja O. V.* K voprosu o paternalizme: gosudarstvo i chelovek v pensionnoj reforme // *SPERO*. — 2008. — № 8. — S. 63–92.
 26. *Sinjavskaja O. V.* Rossijskaja pensionnaja reforma: kuda idti dal'she? // *SPERO*. — 2010. — № 13. — S. 187–210.
 27. *Sinjavskaja O. V.* Istorija pensionnoj reformy v Rossii. — S. 142–201 / *Istorija novoj Rossii. Očerki, interv'ju: v 3 t. / pod obshh. red. P. S. Filippova*. T. 3. — SPb.: Norma, 2011. — 600 s.
 28. *Solov'ev A. K.* Social'no-jekonomičeskie rezul'taty pensionnoj reformy v Rossii // *SPERO*. — 2010. — № 12. — S. 91–4.
 29. *Solov'ev A. K., Melezhič N. V.* Bednost' pensionerov: kak preodolet'/? // *JeKO*. — 2014. — № 10. — S. 147–163.
 30. *Tambovcev V. L.* Vvedenie v jekonomičeskiju teoriju kontraktov / *Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M. V. Lomonosova, Jekonomičeskij fakul'tet*. — M.: INFRA-M, 2004. — 144 s.
 31. *Uajthauz Je.* Pensionnaja panorama. Pensionnye sistemy 53 stran / per. O. V. Demidov, D. I. Artem'eva, A. A. Kulagina, Je. M. Manucharjan i dr. — M.: Ves' Mir, 2008. — 224 s.
 32. *Fomin D. A.* Starost', jekonomika, demografija // *JeKO*. — 2012. — № 4. — S. 5–26.
 33. *Shitova Ju., Shitov Ju.* Reforma pensionnoj sistemy RF: itogi desjatiletija // *Problemy teorii i praktiki upravljenja*. — 2016. — № 7. — S. 43–54.